

Математиками сначала рождаются, а потом становятся.

Эпизоды из жизни любимого учителя Валентина Евгеньевича Воскресенского вспоминает Сергей Юрьевич Попов.

6 мая 2018 г. исполнился бы 91 год известному российскому математику с мировым именем

Математиками рождаются или становятся? Жизнь и судьба Валентина Евгеньевича Воскресенского, на мой взгляд, дает ответ на этот вопрос. Его детство и юность пришлись на военные годы. Семья проживала в Белоруссии, в сельской местности Витебской области. Отец - агроном был репрессирован еще до войны, мать-учительница осталась с тремя детьми одна. Во время немецкой оккупации мать помогала детям получать образование дома. Но каждый из нас понимает, что война несправедлива именно по отношению к молодым, врезаясь в их только начинающуюся жизнь своей жестокостью и разрушающей волей. Валентин Евгеньевич получил свою порцию испытаний, лишений и дальних странствий. Я кое-что знаю об этом от него самого, кое-что слышал в пересказе других людей, но точно знаю, что Валентин Евгеньевич не хотел обнародовать эти страницы своей биографии, поэтому на этом я закончу эти воспоминания. Отмечу лишь, что военные годы очень сильно повлияли на его мироощущение и мировосприятие, сделав Человеком высочайшей честности и удивительной чистоты.

Я считаю, что способность к математике – это врожденная вещь. Конечно же, математиками рождаются, а не становятся. Другое дело, что человек может родиться математиком, но при этом пройти мимо своего таланта. Валентин Евгеньевич, родившись математиком, стал им вопреки жизненным обстоятельствам.

Из биографии Валентина Евгеньевича: «В 1945 г. был призван в ряды Советской Армии и проходил службу сначала под Кенигсбергом (1945–1947 гг.), а затем (1947–1951 гг.) в Казани, в танковом училище. В те годы он тянется к знаниям, стремясь восполнить недостаток образования. Он много читает, самостоятельно изучает некоторые разделы математики, в частности, тригонометрию (решая подряд задачи из случайно попавшегося ему в руки сборника задач по тригонометрии; так он прорешал около тысячи задач). После увольнения из армии в возрасте 24-х лет В.Е. Воскресенский имел лишь семилетнее образование и специальность механика-водителя танка и самоходной установки».

В начале жизненного пути все препятствовало тому, чтобы Валентин Евгеньевич стал математиком, но в итоге все это не помешало, а скорее, поспособствовало ему стать выдающимся математиком. Так сложилась судьба. На 80-летнем юбилее Валентина Евгеньевича, когда мне желали успеха как его ученику, профессор Санкт-Петербургского университета Николай Александрович Вавилов сказал мне: «Сережа, учтите, у Вас тепличные условия, а судьба Валентина Евгеньевича показывает, что даже в тяжелейших условиях можно стать математиком». И действительно, у меня все шло по накатанной: школа, университет, аспирантура, защита

диссертации. А Валентину Евгеньевичу пришлось многое преодолевать. Осознанный интерес к математике у него проявился, когда он служил в армии. В армейской библиотеке он нашел школьный учебник по математике и стал читать и решать, в том числе и задачи по геометрии. Вот как он мне рассказывал об этом: «Я стою на посту, лежит снег, и я на нем штыком делаю чертежи. У меня была возможность об этом думать...». Одни темы он разобрал, а мимо других проходил, потому что он делал это самостоятельно, без какого бы то ни было учителя. Отслужив армию и приехав в Куйбышев, он собрался поступать в девятый класс школы рабочей молодежи, имея на тот момент семилетнее образование. Его экзаменовали, в частности, особый упор делали на знание базовой программы по математике. Нашёлся раздел, который он не знал вовсе. Экзаменаторы были готовы предложить молодому человеку отложить поступление в школу. На что Валентин Евгеньевич ответил: «Этот раздел не знаю, но зато я знаю тригонометрию». А это программа как раз девятого класса. Все предложенные ему задачи он решил. После школы рабочей молодежи он окончил физико-математический факультет Куйбышевского педагогического института.

Валентин Евгеньевич выбирал, кем ему быть: физиком или математиком? Но он понимал, что дорога в физику ему закрыта, потому что физика связана с экспериментами, со средствами, с вопросами государственной безопасности. И его бы не допустили в эту сферу из-за отца и его собственной биографии. А математику ничего не нужно, кроме бумаги и карандаша. Ну а дальше все пошло своим чередом. Завуч моей школы, которая училась в пединституте на одном курсе с Валентином Евгеньевичем, рассказывала: «Мы-то были семнадцатилетние дурочки, но все-таки смогли понять, что ему через многое пришлось пройти, поражаясь, как он дорожит каждой минутой занятия». Разумеется, математические способности Валентина Евгеньевича заметили. Причем ему было уже 28 лет, когда он окончил институт. Существует расхожее мнение о том, что математик должен состояться до тридцати лет. Если не успел, то ничего не получится. По рекомендации профессора Куйбышевского пединститута Бориса Максимовича Бредихина Валентин Евгеньевич поехал в Саратов, в Саратовский государственный университет поступать в аспирантуру к выдающемуся специалисту по теории чисел Николаю Григорьевичу Чудакову, который становится его научным руководителем. При этом Н. Г. Чудаков говорит Валентину Евгеньевичу: «Я могу предложить Вам задачу по теории полей классов, а эта тема, в каком-то смысле, практически исчерпана. На кандидатскую диссертацию Вам хватит, а на докторскую – нет. Но есть интересная новая тема - алгебраическая геометрия. Я этим не занимаюсь. Может быть, Вы попробуете?». На тот момент алгебраическая геометрия бурно развивалась за границей. Наши математики узнали об актуальных достижениях этой науки со слов И. Р. Шафаревича, который, съездив за границу, пришел к выводу, что мы по алгебраической геометрии отстаем от западных математиков на пятьдесят лет, а если не займемся сейчас, то через год отстанем уже на сто. Удивительно, каким образом это отставание

удалось ликвидировать. И снова судьба. Валентин Евгеньевич попал на семинар к И. Р. Шафаревичу по алгебраической геометрии. Это было уникальное явление: И. Р. Шафаревич создал свой курс, свое направление, прокладывая свою дорогу к цели, а не повторяя путь научных оппонентов. В результате советская школа алгебраической геометрии вышла на ведущие позиции в мире. Для Валентина Евгеньевича характерны самостоятельность в работе и достижение результата. Он делает доклады, публикует статьи в академических изданиях. Кандидатскую диссертацию защищает в ученом совете Математического института имени В. А. Стеклова РАН. В то время это был самый сильный совет в СССР. Его оппонентами были И. Р. Шафаревич и Ю. И. Манин. И уже через семь лет он защищает докторскую диссертацию с блестящими результатами, решив проблему Э. Нётер, и ни у кого не вызывает сомнения, что это ведущий специалист в области алгебраической геометрии.

Несмотря на то, что Валентин Евгеньевич окончил провинциальный вуз и провинциальную аспирантуру, он был математиком мирового уровня. Я хорошо усвоил его уроки. А он говорил: «Вы можете учиться где угодно, но главное, как вы относитесь к делу». Валентин Евгеньевич был моим научным руководителем. В слове «провинциальный» есть много хорошего, но есть и плохое. Конечно же, математиками рождаются. Я всегда держу в голове историю о том, как Валентин Евгеньевич, еще никому не известным человеком, приехал в математический Институт имени Стеклова, где ему задали лишь один вопрос: какую задачу он решил? Для математиков главным критерием профессиональной идентификации являются постановка задачи и результаты её решения. Если математиков это заинтересовало, значит, Вас приняли в математическое сообщество. Задачи, которые решал Валентин Евгеньевич, были известны математикам. Я стал его учеником, когда ему было под семьдесят, и он был в абсолютной славе. Благодаря его имени передо мной открывались все двери. Валентин Евгеньевич имел невероятный авторитет среди математической элиты. Я об этом говорю так уверенно, потому что на конференции мы ездили в основном вместе, и я был свидетелем тому, как к нему относились.

Впервые я познакомился с Валентином Евгеньевичем, когда поступил на первый курс механико-математического факультета Самарского государственного университета. Первого сентября у него была лекция, и я помню, что он меня поразил. Он говорил просто, но при этом с легкостью охватывал все. Он обладал настоящим педагогическим талантом. И до сих пор меня это поражает, потому что я в своей педагогической деятельности не могу достичь этого. Он очень любил классическую музыку, просто невероятно обожал оперу. Он посещал все оперные премьеры нашего театра оперы и балета. Особенно любил оперы Дж. Верди. Математику и музыку объединяет гармония. Как-то на занятии он сказал, чтобы на экзамен мы приносили театральные билеты как свидетельство того, что мы побывали в театре на опере. Он часто делился впечатлениями о просмотренных спектаклях и всегда говорил, что это невероятно красивая музыка. Как-то я

добавил, что у нас в театре идет «Пиковая дама», на что он пошутил: «Ну, это сложно. Чайковский, три часа». В начале второго курса на мехмате раздают первые курсовые работы, а для этого нужно заранее выбрать кафедру. Как-то я стоял на остановке, чтобы доехать до университета, ко мне подошел Валентин Евгеньевич (а я был всего лишь второкурсником!) и посоветовал мне писать курсовую работу на кафедре алгебры и геометрии под руководством Александра Анатольевича Клячко (это один из его знаменитых учеников!). Когда Валентина Евгеньевича в 1979 г. пригласили из Саратова переехать в Куйбышев, чтобы возглавить кафедру алгебры и геометрии в Куйбышевском (Самарском) университете, он взял с собой чрезвычайно одаренного А.А.Клячко. Но в середине девяностых годов Александр Анатольевич уехал в Турцию, и моим научным руководителем уже в аспирантуре стал Валентин Евгеньевич.

На своей кафедре Валентин Евгеньевич собрал невероятный коллектив. Здесь были представлены разные школы и математические направления. Коллектив складывался благодаря личности Валентина Евгеньевича, а единственным критерием отбора для работы на кафедре были профессиональные заслуги претендента, а не соображения, как теперь говорят, лояльности. Хотя, как известно, характер у математиков не сахар. На кафедру из Воронежа был приглашён Марат Харисович Гизатулин, который имеет именные теоремы, воспитанник школы Василия Алексеевича Исковских по алгебраической геометрии Иван Викторович Демин, геометры Евгений Исаакович Шустин и Виктор Николаевич Кокарев, специалист по приложениям алгебраических методов в теории дифференциальных уравнений Лев Мейлихович Беркович. После окончания аспирантуры в Москве на кафедре начал работать Александр Николаевич Панов, который после смерти Валентина Евгеньевича возглавил кафедру. В Советском Союзе по уровню математических результатов её сотрудников наша кафедра среди алгебраических кафедр была ведущей, что подтверждают ряды кандидатских и докторских диссертаций блестящих математиков, которые получали отзывы специалистов именно нашей кафедры. В это время деканом мехмата был Виктор Михайлович Клишкин, и это был расцвет нашего факультета. Я считаю, что то, что сейчас кафедра алгебры и геометрии жива и сохраняет традиции, - заслуга Валентина Евгеньевича, так сильно влияние его Личности.

Валентин Евгеньевич долгое время был невыездным. В 1974 г. его не выпустили из страны (долго оформляли выездные документы) на Всемирный математический конгресс, который проходил в Ванкувере. Валентин Евгеньевич должен был выступать с докладом на пленарном заседании. Доклад был опубликован в трудах конгресса. Это было безусловным признанием его как математика.

В 1999 году, когда я учился на втором курсе аспирантуры, мы вместе поехали на конференцию в Рим. Для меня это была первая заграничная поездка. А Валентин Евгеньевич только что стал выездным. Среди нас он был локомотивом. Поразительно, с каким интересом и любопытством он

старался, как можно больше увидеть. Мы спускались в римские катакомбы, и вообще на всех экскурсиях он всегда был впереди: ездил, ходил, смотрел, слушал гидов, а я, как мог, переводил ему с английского. Потом Валентин Евгеньевич выступал с докладами на конференциях во многих городах Западной Европы.

В 2009 г. в Москве в издательстве МЦНМО вышла книга Валентина Евгеньевича «Бирациональная геометрия линейных алгебраических групп». Это мемуары о том, как он становился математиком, что он изучал и достигал за прожитые годы. Что говорить, красивая идея для математика оставить такие мемуары.

Меня поразило, каким Валентин Евгеньевич видел устройство мехмата университета. Как-то он поинтересовался, знаю ли я, как ведут себя на переменах студенты-математики МГУ? Я знал: они говорят о математике.

«А наши студенты, - спросил Валентин Евгеньевич, - обсуждают математику?». Я ответил отрицательно. «Вот в этом существенная разница.» - заметил Валентин Евгеньевич.

Когда-то у нас на мехмат набирали сто студентов, потом пятьдесят. Валентин Евгеньевич считал, если из каждого выпуска хотя бы один человек сможет заниматься математикой, это уже успех факультета. А что делать остальным? «А остальные выпускники должны идти в школы, - говорил он, - они получили хорошее математическое образование. У них хорошая математическая культура, и они должны учить детей правильно».

Валентин Евгеньевич всегда учил меня честности. Говорил, что математика – это не богадельня. И, когда я понял, что как математик я не развиваюсь, я пошел работать в школу по своей профессии педагога. Я вижу, что есть ученики с внутренней мотивацией и потребностью, как Валентин Евгеньевич, решать задачи на снегу.

Валентин Евгеньевич, спасибо за уроки, которые Вы мне дали.

Материал подготовила Нина Окоркова